

Вадим Муратханов

СОБАЧИЙ ВАЛЬС

ПОЦЕЛУЙ

Мир состоял на четыре пятых из солнца. Тимурчик не умел сказать вслух, но чувствовал это всем своим маленьким телом. Солнечные пятна от прорех в винограднике лежали на дощатом полу веранды. Зайчик от часов дяди Володи плясал по потолку, не в силах найти себе нужного места. Ослепительно сверкал руль трехколесного велосипеда, на котором Тимурчик раз за разом пересекал двор, стараясь развить предельную скорость.

— Как ветер! — хвалил дедушка, когда Тимурчик со скрипом проезжал мимо веранды, помогая себе голосом, изображавшим мотор.

Велосипед был намного старше Тимурчика, как и все вещи в дедушкином дворе: бочка со стоячей водой, в которой, если присмотреться, изгибались красные тоненькие червячки, деревянная лестница с прокручивающейся перекладкой, висевшая на саманной стене сарая, красная будка Тузика с треугольной крышей, откуда улыбалась черно-рыжая морда с высунутым языком и, при приближении кого-то из домашних, раздавался стук виляющего хвоста.

Сиденье на велосипеде было фанерным, вместо родного пластмассового, треснувшего под каким-то взрослым шутником задолго до рождения Тимурчика. Звонки на руле не звенели, но это не смущало. Возясь с игрушками, Тимурчик привык, что плюшевый котенок не мяукает, а красноармеец на коне с обкусанным хвостом никуда не скачет, если не двигаешь его вручную.

В тот день бабушке и дедушке долго пришлось ждать внука к обеду.

— Тимурчик, золотой внучек! — протяжно подзывал его дедушка с веранды, где всюду дымились политые сметаной большие вареники с вишней, проступавшей сквозь нежное тесто.

— Кто будет кушать, никого не слушать? — подхватывала бабушка.

Все — бабушка с дедушкой, дядя Володя и старший брат Саша — уже сидели за круглым столом.

— Сейчас, одно дело сделаю и приеду, — отозвался Тимурчик и покотил в сторону Тузика.

Пес вышел ему навстречу из будки и улыбнулся во всю зубастую пасть. Тимурчик подъехал ближе, нагнулся, не слезая с велосипеда, и поцеловал Тузика в мохнатую щеку. Тузик радостно завилял хвостом, бабушка ахнула, а дядя Володя кинулся спасать племянника.

Пока бабушка вела Тимурчика к умывальнику и терла ему губы хозяйственным мылом, Саша встал из-за стола.

— Поеду тоже Тузика поцелую, — объявил он взрослым, рассчитывая на свою долю переполоха.

Его колени едва не касались ушей, когда он крутил педали.

Некоторое время спустя Тимурчику подарили на день рождения автомат. Он был деревянный и синий — и, конечно же, не умел стрелять. Только две детали в нем были металлические: спусковой крючок с приделанной к нему шестеренкой и пластина, которая щелкала, когда зубчики шестеренки ее цепляли.

Походив по двору и не найдя никого, на ком можно было бы испытать новое оружие, Тимурчик подошел к будке и позвал Тузика. Пес вышел, потягиваясь и зевая.

— Хенде хох! — крикнул Тимурчик, как в недавно посмотренном фильме про партизан, и нажал на курок.

Тузик зарычал и впился Тимурчику в руку.

Пока бабушка промывала рану хозяйственным мылом, он силится понять, как Тузик догадался, что в него стреляют. Среди прежних игрушек Тимурчика не было трескучих автоматов и хлопающих пистонами пистолетов. «Наверное, он у нас просто умный», — порадовался он за Тузика. И больше никогда не направлял в его сторону никакого оружия.

Через год Тузик умер, наглотавшись угольной пыли. Через три не стало дедушки. Дядя Володя и Саша уехали навсегда, и только бабушка долго еще сидела за опустевшим столом, читая журнал «Работница» над чашкой остывшего чая.

Солнечный день с поцелуем Тузика долго жил в памяти, со всеми запахами, разговорами и пылинками, которые висели в лучах света, просеянного сквозь виноградник.

На шраме чуть ниже локтя взгляд задерживался нечасто — в основном по пятницам, в сауне, где Тимурчик сидел с сослуживцами под пиво и неизменный «Дип Пёрпл». Он морщил лоб, пожимал плечами: «У Светки, наверное, на даче», — и шел обратно в парилку.

ТЕПЛОЕ МЕСТО

Тобик и Трезор встретились возле урны на берегу городского пруда. Дворник побывал там за полчаса до них, так что делить им было нечего.

— Ну что, ходил в люди? — спросил Трезор.

— Да уж, не говори, — встряхнул лохматой головой Тобик. — Положим, подрал я их кошку — то еще сокровище... Но, во-первых, не насмерть. А во-вторых, это ж надо додуматься: не успели впустить в дом — и на тебе, кошка! Я бы посмотрел, как бы они сами удержались на моем месте.

— Дурак ты, брат, — резюмировал Трезор, и некоторое время они молча трусили вдоль длинной парковой ограды.

Их путь лежал к кирпичному возвышению, покрытому бетонными плитами, с железным люком, лежать на котором было тепло. Иногда из столовой соседнего детсада сюда выносили в пластиковом лотке дымящуюся еду, и важно было оказаться на месте в нужное время. Сегодня был не их день: возле люка над лотком уже скалился кобель-полукавказец с рыжей подпалиной на боку, давний обидчик Тобика.

Тобик для порядка тоже показал зубы и перебежал на другую сторону улицы. «Вырасту — загрызу», — успокоил он себя по привычке, забывая, что в его возрасте собаки уже не растут.

— А по-моему, это предубеждение — что каждой собаке нужен хозяин, — вернулся он к недавнему разговору. — Выбор между свободой и миской — наше главное право. Ты мочишься, а тебя в это время за поводок дергают. Сомнительное удовольствие. Как-нибудь обойдусь.

— Знаешь, что в хозяине главное? — неожиданно обернулся к нему Трезор. — Легкая рука. Как он ведет тебя, как поводок держит. Как треплет по голове. У твоего-то легкая была?

— Да как сказать...

Теперь они пробежали мимо парикмахерской. У входа поочередно выпускали дым и лопотали на своем неразборчивом две человеческие самки со спущенными на подбородок марлевыми намордниками.

— Вот все говорят: богатая родословная, высота в холке, качественный груминг, — сменил тему Тобик. — А по-моему, это все пыль в глаза и дешевые эффекты. Есть потребность — есть ее удовлетворение, и нечего тут огород городить. Запах в этом деле для меня всегда на первом месте.

— Хорошая случка дорогого стоит, тут все имеет значение, — возразил Трезор. — И родословную ты, кстати, зря недооцениваешь. Была бы у тебя приличная родословная и пара медалей с выставок, ты бы сейчас на коврике лежал и телевизор слушал. И кошку бы тебе простили, никуда бы не делись.

— Если уж на то пошло, все их выставки — чушь и показуха, — фыркнул Тобик. — Подумаешь, «апорт», «барьер», «рядом»... Я бы это все сделал с закрытыми глазами, не хуже, чем хваленые медалисты.

— Сделать-то сделал бы, да кто ж тебя туда пустит. Слышал когда-нибудь про теорию одной калитки?

— Нет, а что за теория?

— В жизни каждого пса есть одна калитка, предназначенная только ему, и эта калитка всегда открыта. За ней может оказаться добрый хозяин, который приютит его на всю жизнь. Или кость, вкуснее которой он на своем веку не пробовал. Или сучка, лучше которой у него никогда не было. Труднее всего понять, где именно твоя калитка. Бывает, пробегает пес, сколько ему отпущено, вокруг да около, а лапой торкнуть куда надо так и не догадается.

Когда они поравнялись со старым кладбищем, мимо с мигающим воем промчалась «скорая».

— Зачастили что-то в последнее время, — заметил Тобик. — А что если люди вымирать начали?

— Не бойся, на наш век хватит.

Перед подъездом многоэтажной новостройки маленький мокрый щенок прыгал на металлическую дверь, пытаясь достать до кодового замка.

— Жаль сосунка, — обронил Трезор, — не выживет. Вообще, молодежь нынче хлипкая пошла.

Они миновали рынок с опустевшими прилавками. Грязная снежная каша, в которой вязли лапы, была усеяна подсолнеч-

ной шелухой. Тобик вдруг вспомнил, как маленькая девочка в парке кормила его, тогда еще щенка, жареными подсоленными семечками. Родители ругали ее, а она упрямо бросала семечки, и ничего вкуснее, казалось ему сейчас, не пробовал он на своем веку.

Тобику представился весь остаток их сегодняшнего пути до теплотрассы, от помойки к помойке, по слякоти цепенеющего перед зимой города — и он, незаметно для себя, вполголоса заскулил.

